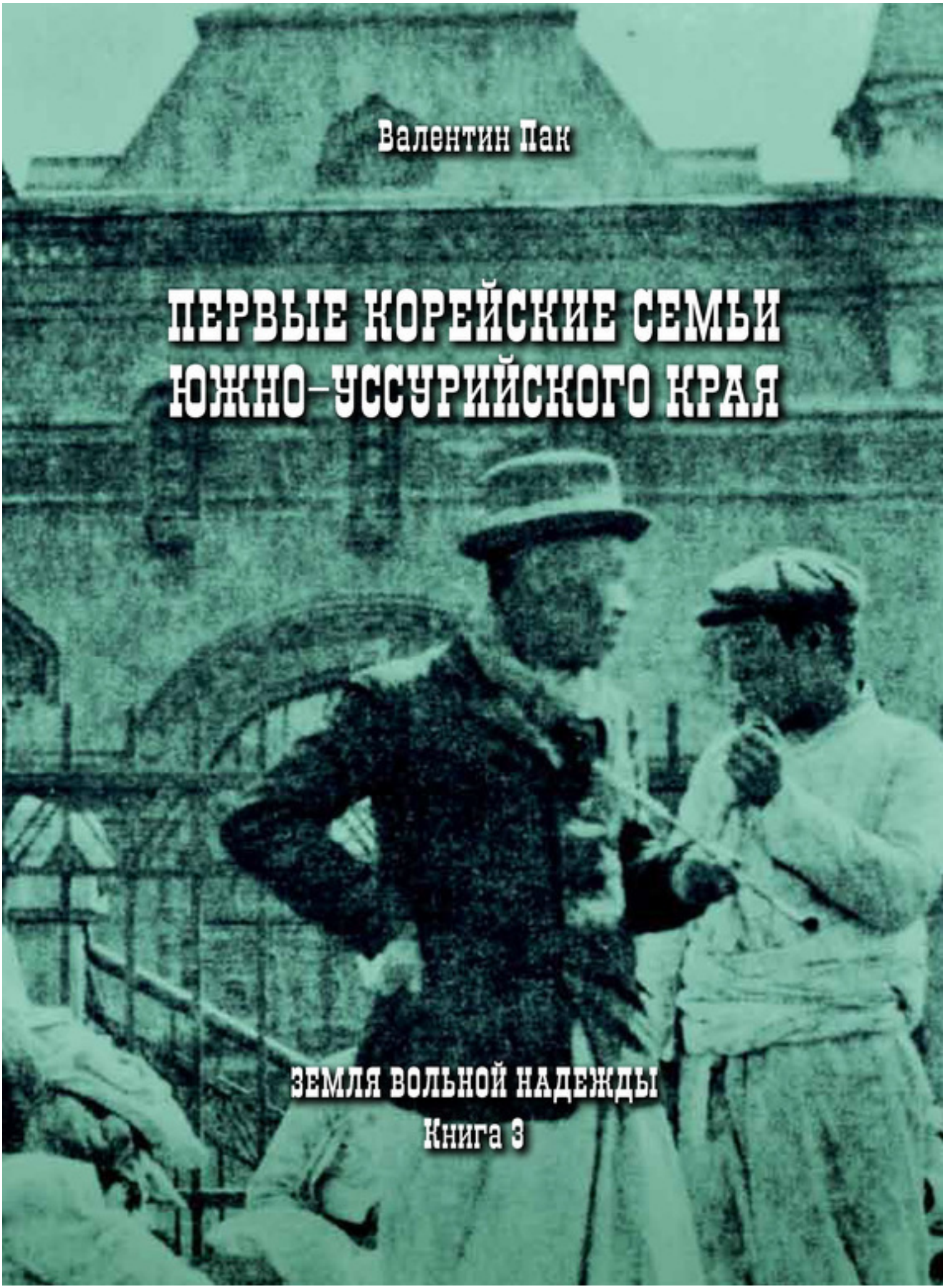

Валентин Пак

ПЕРВЫЕ КОРЕЙСКИЕ СЕМЬИ ЮЖНО-УССУРИЙСКОГО КРАЯ

ЗЕМЛЯ ВОЛЬНОЙ НАДЕЖДЫ

Книга 3

Земля вольной надежды

Валентин Пак

Первые корейские семьи Южно-Уссурийского края

Издательство "Валентин"

2013

УДК 94(571.6)
ББК 63.3

Пак В.

Первые корейские семьи Южно-Уссурийского края / В. Пак — Издательство "Валентин", 2013 — (Земля вольной надежды)

ISBN 978-5-906288-09-8

В настоящей работе предпринята попытка произвести обзор основных корейских селений Южно-Уссурийского края (т. е. Приморского края досоветского периода) с привлечением картографических, статистических материалов и документов архивов. Книга посвящена этапам иммиграции, процессам адаптации корейских переселенцев на российской территории, их участии в хозяйственной, культурной и общественной жизни местного населения, патриотическом движении за независимость Кореи. В книге приводятся особенности уклада жизни корейского населения в крае. Читатель может узнать, например, сколько имён присваивалось корейцу в течение жизни, как образовывались женские имена и много другой интересной информации о национальных традициях корейского народа.

УДК 94(571.6)
ББК 63.3

ISBN 978-5-906288-09-8

© Пак В., 2013
© Издательство "Валентин", 2013

Содержание

Предисловие 6
Миграция корейцев в Южно-Уссурийский край 7
Корейские селения края 13
Адими 13
Барановка 16
Брусья 17
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Валентин Пак
Первые корейские семьи Южно-Уссурийского края. Земля Вольной Надежды. Книга 3

Автор приносит огромную благодарность Нелли Григорьевне Мизь за помощь в подборе материалов и подготовке рукописи.

К 150-летию начала корейской миграции в Россию

Посвящается первым корейским переселенцам в российское Приморье

Руководитель проекта Юлия Пак Рецензенты:

С. К. Песцов, д-р полит, наук, профессор Дальневосточного федерального университета,

И. А. Толстокулаков, д-р ист. наук, профессор Дальневосточного федерального университета

Предисловие

Об истории корейцев в России рассказано в немалом количестве опубликованных работ, посвященных разным темам: этапам иммиграции, процессам адаптации корейских переселенцев на российской территории, их участию в хозяйственной, культурной и общественной жизни местного населения, патриотическому движению за независимость Кореи. Во всех работах подчеркивается огромная роль корейцев в деле освоения российского Дальнего Востока. Об этом также свидетельствуют памятники и памятные знаки, установленные на территории Приморского края.

В настоящей работе предпринята попытка произвести обзор основных корейских селений Южно-Уссурийского края (т. е. Приморского края досоветского периода) с привлечением картографических, статистических материалов и документов архивов.

О количестве корейских селений на территории Южно-Уссурийского края имеются разные сведения, порой трудно сопоставимые. Так, в официальной «Справке о количестве корейцев в местах их проживания», составленной в 1892 году, по Южно-Уссурийскому краю значилось 25 селений и 22 выселка-хутора. В работе Н. А. Насекина, опубликованной в трудах Приамурского отдела Императорского Русского географического общества в 1895 году, указано, что в крае находилось 32 корейских селения. В историческом обзоре Приамурского края периода 1904–1910 годов на карте Южно-Уссурийского края представлено 28 селений.

Такое разночтение объясняется, по-видимому, разными подходами к определению понятия «корейское селение». Селения отличались своеобразием формирования и расположения, они имели, как правило, обширные территории, и наблюдалось значительное удаление отдельных корейских хозяйств друг от друга, часто с образованием т. н. выселок.

В настоящей работе приводятся сведения о корейских селениях, которые сформировались к 1913 году. Следует отметить, что кроме этих корейских селений корейские хозяйства были в русских селах, казачьих поселках и на арендованных у казны и частных лиц землях.

Описание корейских селений дается в алфавитном порядке, что не соответствует хронологии их появления на территории Южно-Уссурийского края, но упрощает процесс пользования книгой. По каждому корейскому селению приводится историческая справка о его образовании и заселении, даются сведения о важных событиях, произошедших в нем. По некоторым селениям приводятся списки корейцев-первопоселенцев. Названия корейских сел даны по первоначальному происхождению, до их переименования в советское время. Несмотря на использование в книге большого количества печатных изданий и архивных документов, работа не претендует на абсолютную полноту данных по разрабатываемой теме.

Автор выражает признательность всем, кто помогал создать эту книгу и будет благодарен за пожелания и замечания, которые могут возникнуть после ее прочтения.

Миграция корейцев в Южно-Уссурийский край

Границы России на Дальнем Востоке определялись подписанием Айгунского и Пекинского русско-китайских договоров 1858–1860 годов. До этого времени, как установлено исследованиями историков, корейцы в Приамурье и Уссурийском крае не проживали. Основная причина тому – политика крайнего изоляционизма корейского правительства. Любые несанкционированные официальными властями контакты подданных Корейского королевства с иностранцами строго запрещались, самовольное же оставление родины в случае поимки беглеца каралось смертной казнью. Вообще, все земли, лежавшие на север от рек Амноккан и Туманган, считались в Корее запретными, и селиться там под угрозой смертной казни запрещалось.

В указанный период на территории края не проживали представители корейского населения, но присутствовали добрососедские взаимоотношения между корейцами и русскими в приграничных районах. Одно из свидетельств тому содержится в рассказе русского купца И. Носкова, который летом 1862 года, по торговым делам, посетил Новгородскую гавань в заливе Посьета и китайский город Хуньчунь. При встрече с корейскими торговцами он узнал, что «если они торгуют с русскими, то тайно» от своих пограничных властей, которые «если узнают об этом, то все купленное отнимают». И. Носков отмечал, что корейцы весьма желают с нами сблизиться и торговать и будут делать это, разумеется, тайно от своих начальников, пока не будет дано дозволение, которое нужно добиваться дипломатическим путем, а между тем полезно было бы оказать покровительство этой торговле. Оставлять это дело без внимания не следует, – настаивал он, – народ корейский стоит того, чтобы с ним сблизиться.

К 1862 году относятся документальные свидетельства о намерениях корейцев переселиться на русскую территорию. Командир поста Владивосток Е. С. Бурачек, 21 декабря 1862 года свидетельствовал, что несколько корейцев с семьями желают переселиться на нашу землю, их заманивает 20-летняя льгота не платить податей, но они боятся, что русские солдаты будут отнимать у них жен. Подобные слухи, как оказалось, распускают китайские чиновники, которые лишаются нескольких лань серебра (лань – около 8 золотников) с каждой семьи.

Основными причинами переселения корейцев в Южно-Уссурийский край большинство исследователей называют следующие. Во-первых, тяжелое экономическое положение корейских крестьян на родине, вызванное неурожаем в северных провинциях Кореи в течение нескольких лет, жесткой эксплуатацией и произволом чиновников. Во-вторых, значительные льготы, которые предоставляло российское правительство всем переселенцам, как жителям России, так и иностранцам.

Император Александр II 27 апреля 1861 года подписал закон «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приамурской областях Восточной Сибири». Текст закона начинался словами: «Государь Император, по положению Сибирского комитета, Высочайше соизволил повелеть для поселения в областях Амурской и Приамурской Восточной Сибири постановить следующие правила. В сих областях дозволяется селиться всем вообще желающим, как русским, так и иностранцам, но с соблюдением условий, ниже изложенных». Далее в законе, в 12 статьях, разъяснялись дарованные переселенцам льготы, в том числе освобождение от налогов на 20 лет, от рекрутской повинности и другие.

С 1863 года из Кореи стали прибывать первые семейные переселенцы, которые стали обустраиваться на казенных землях пограничного с Кореей Посьетского участка (ныне – Посьетский район Приморского края), появилось первое в крае корейское село Тизинхэ. Большой интерес представляет документ, свидетельствующий о том, как проходила адаптация первых корейских иммигрантов на территории России. Это докладная записка исправ-

ляющего должность инспектора линейных батальонов Восточной Сибири, расположенных в Приморской области, полковника Ольденбурга на имя губернатора П. В. Казакевича, датированная 26 сентября 1864 года. «При осмотре мною 4 роты линейного 3 батальона Восточной Сибири, расположенной в гавани Новгородской, командующий этой ротой мне доложил, что 14 семейств в числе 65 душ обоего пола перешли из Кореи в январе месяце сего года в Приамурскую область, построили фанзы в верстах 15 от поста Новгородского, успешно занимаются огородничеством, земледелием и обещают по своему трудолюбию быть вполне полезными хозяевами. Это заявление породило во мне желание увидеть быт этих переселенцев на месте их жительства <… > Действительно я нашел 8 фанз, очень чисто отстроенных, большие хорошо устроенные огороды, земли засеяны будой, ячменем, гречихой и кукурузой до 15 десятин. Такие результаты труда, произведенные менее чем в один год, обещают действительную пользу для края от подобных переселенцев, и посему я считаю своим долгом донести об этом до сведения Вашего Превосходительства, тем более что, по словам поручика Резанова, около 100 семейств изъявили желание поселиться на наших землях, но опасаются выдачи обратно в Корею, где они по существующим там законам за выселение будут подвергнуты смертной казни. При этом считаю не лишним присовокупить, что при заселениях корейцев на наших землях особенных расходов на них не предвидится, они имеют довольно значительное число скота, все земледельческие орудия, и если потребуется помощи, то только в выдаче им до первого урожая заимообразно на пропитание буды, которую довольно дешево можно приобрести от маньчжур в пограничном городе Хунчуне, для того же чтобы приохотить корейцев сеять рожь, ярицу и овес, достаточно будет дать им бесплатно на первый раз семена».

Начавшийся в 60-е годы XIX столетия иммиграционный процесс продолжался с разной степенью активности почти полвека. В течение первого 20-летия корейские крестьяне-переселенцы обосновались в основном в Посьетском районе. По данным И. П. Надарова, в 1867 году в этом районе проживало 1 тыс. 415 чел. корейских иммигрантов. К 1870 году в Южно-Уссурийском крае насчитывалось 6 тыс. 543 чел. корейского населения.

Все корейские переселенцы в этот период получали от русской администрации помощь для обустройства и имели возможность возделывать такое количество земли, какое они были в силах обработать. Отсутствие налогов позволяло корейцам пользоваться всем урожаем.

Многие исследователи отмечают, что иммиграционный процесс претерпел значительные изменения после 1884 года, когда произошли 2 важных события, оказавших большое влияние на экономическую и политическую жизнь Дальнего Востока. В этом году в результате административно-территориального реформирования образовалось Приморское генерал-губернаторство в составе Забайкальской, Амурской и Приморской областей, Владивостокского военного губернаторства и острова Сахалин. И в этом же году были установлены дипломатические отношения между Россией и Кореей подписанием 25 июня 1884 года договора о дружбе и сотрудничестве.

С этого времени правительства обеих стран неоднократно решали вопрос о подданстве корейских крестьян, оседло живущих в Приморской и Амурской областях. Правовое регулирование корейской иммиграции являлось темой нескольких официальных и общественных совещаний различного уровня в Петербурге и Хабаровске. Проблема корейской иммиграции рассматривалась и на русско-корейских переговорах, проходивших в 1885–1888 годах и посвященных заключению между двумя странами соглашения о сухопутной торговле. На этих встречах Россию представлял поверенный в делах России в Корее К. И. Вебер, Корею – президент коллегии иностранных дел Кореи Ким Юнсик.

Итогом переговоров стала Российско-корейская конвенция о пограничных сношениях 1888 года и Соглашение, достигнутое между К. И. Вебером и Ким Юнсиком. Эти документы

определяли юридическое положение корейских переселенцев и легли в основу мероприятий русских властей по оформлению правового положения поселившихся в России колонистов.

Основной пункт указанного Соглашения утверждал, что корейцы, перешедшие на территорию России до заключенного договора в 1884 году, признавались равноправными с русскими подданными. Все корейцы, осевшие на русской земле после года договора, считались временно прибывающими и должны были приобретать билеты корейских властей, а по окончании сроков, указанных в билетах и русских паспортах, их владельцы были обязаны ликвидировать свои дела и выселиться на родину. Приходящие в край корейцы-рабочие должны были жить по особым паспортам-разрешениям с уплатой в год 5 руб.

Достигнутое Российско-корейское соглашение было использовано русскими властями для разработки условий пребывания корейских иммигрантов. Наиболее подробно данный вопрос был разработан и представлен в распоряжении Приамурского генерал-губернатора А.Н. Корфа Военному губернатору Приморской области П.Ф. Унтербергеру. Документ датирован 21 июля 1891 года, в нем А.Н. Корф разделил всех корейцев, находившихся в России, на 3 категории, представители каждой имели свои права и обязанности.

Отнесенные к первой категории корейцы, переселившиеся и осевшие в России до 1884 года, получали право на принятие в русское подданство. Для них предусматривались следующие права и обязанности:

– получение особых свидетельств за подписью начальника уезда с указанием года переселения в русские пределы и имен членов их семей (списки должны были храниться в сельских общественных управлениях),

– привлечение их к исполнению денежных, натуральных и воинских повинностей наравне с местными крестьянами, прожившими в крае не менее 20 лет,

– получение особых земельных наделов из расчета 15 десятин на семью при условии образования отдельных деревень или сельских обществ,

– введение вновь образованных корейских селений в состав ближайших крестьянских селений или образование из них особых общественных управлений на одинаковых основаниях с русскими крестьянами-поселенцами,

– обрезание всеми мужчинами-корейцами кос на головах,

– приведение всех корейцев к присяге на русское подданство в соответствии со сложившимися условиями и обстоятельствами.

Ко второй категории были отнесены корейцы, переселившиеся в Россию после заключения договора 1884 года. Для них были разработаны следующие условия и правила:

– объявление им о лишении права на дальнейшее пользование казенными землями и необходимости в течение 2 лет после этого объявления ликвидировать свои хозяйства и приобрести корейские национальные паспорта,

– выдача этим корейцам годичных русских билетов с взиманием налога, аналогичного для корейцев, прибывающих из Кореи,

– привлечение их к денежным и натуральным повинностям наравне с корейцами первой категории,

– освобождение их от воинской службы.

К третьей категории причислялись корейцы, временно проживающие в Южно-Уссурийском крае, приехавшие сюда на заработки. Они не имели права селиться на государственных землях и устраивать на них свои хозяйства, но поземельные и оброчные подати они должны были платить наравне с русскими крестьянами. На право пребывания на русской территории они должны были получать русские билеты на жительство.

Группа корейских рабочих на строительстве железной дороги 1891–1897 гг.

Принятые губернатором А.Н. Корфом условия пребывания корейских иммигрантов соблюдались и выполнялись лишь частично.

С 1893 года генерал-губернатором Приамурского края С.М. Духовской, который считал, что следует пересмотреть принятые правила с целью создания максимально привлекательных условий для привлечения корейцев на их поселение в крае. Во Всеподданнейшем отчете за 1893–1895 годы С.М. Духовской писал: «Корейцы первых двух категорий, проживая уже много лет в крае, вполне свыклись с русскими властями и законами и давно уже хлопочут о принятии их в русское подданство. Ныне, ввиду полученных о них, безусловно, одобрительных отзывов местной администрации и отсутствия поводов, в силу которых являлась бы необходимость выселить это трудолюбивое и полезное население за государственную границу, тем более что результатом такой меры было бы, вероятно, поселение их в Маньчжурии и усиление, таким образом, за наш счет пограничного с нами государства, я сделал распоряжение об окончательном принятии в русское подданство корейцев первой категории Суйфунского и Посьетского участков, оставив этих корейцев проживать на тех же землях, где они живут ныне на общих правах государственных крестьян, с пользованием землею с нашими крестьянами, и, кроме того, распорядился обложить их с 1 января 1896 года всеми государственными и земскими сборами и повинностями, кои по общим государственным законам, отбываются крестьянами, не пользующимися никакими льготами. Одновременно с принятием этих корейцев в русское подданство, мною предложено Военному губернатору Приморской области усилить меры для ассимиляции их с нашим коренным населением и, между прочим, не дозволять им иметь национальную головную прическу».

Активные действия С.М. Духовского, направленные на создание благоприятных условий для корейских переселенцев, дали положительные результаты. По его инициативе была пересмотрена численность корейцев, относящихся к трем категориям. В результате этой работы в крае в 1895 году к первой категории были отнесены 11 тыс. 311 чел., ко второй – 2 тыс. 400 чел., к третьей – 3 тыс. чел.

Преемник С.М. Духовского на посту Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродеков продолжил политику благоприятствования корейским переселенцам. В 1898 году была создана Комиссия по упорядочению положения иммигрантов, которая выработала «Положение о китайских и корейских подданных в Приморской области». Согласно этому положению в русское подданство были приняты все оставшиеся еще непринятые корейцы первой категории. Документ обещал принять в русское подданство корейцев второй категории, которые прожили в Уссурийском крае не менее 5 лет. Корейцам третьей категории разрешалось селиться в северных районах края.

Политика благоприятствования в отношении корейских переселенцев способствовала быстрому увеличению численности корейцев на Дальнем Востоке России, что позитивно отразилось на освоении этого региона страны. За 10 лет, с 1891 по 1902 годы, численность корейцев в Приморской области увеличилась более чем вдвое.

По данным Первой Всероссийской переписи населения, состоявшейся в 1897 году, на всей территории Дальнего Востока проживало 25 тыс. 868 корейцев, что составляло 11 % от общей численности населения области.

К началу советизации Дальнего Востока, проводившейся в 1917–1922 годах, в Приамурском генерал-губернаторстве имелось 34 корейских селения. Общая численность корейцев на Дальнем Востоке России к 1917 году составляла почти 100 тыс. чел., около 90 % из них проживали на территории Приморского края.

Корейские селения в Южно-Уссурийском крае были приписаны к разным волостям: Янчихинской, Адиминской, Борисовской, Покровской, Корсаковской, Ивановской, Цимухинской, Сучанской и др. В связи с изменениями административно-территориального деления края, некоторые селения меняли свою принадлежность к тем или иным волостям, но их месторасположение оставалось постоянным. Наибольшее количество корейских селений находилось в пределах Посьетского участка (Адиминская и Янчихинская волости), где появились первые иммигранты из Кореи еще в 1860-е годы. В настоящее время это Хасанский район Приморского края. О корейских селах этого района сохранилось наибольшее количество документов и публикаций, в том числе с посемейными списками первопоселенцев. Представляя списки жителей корейских селений, исследователи, как правило, давали пояснения, касающиеся особенностей образования имен корейцев. Так, в «Представлении и. д. губернатора Приморской области по корейскому вопросу» от 3 апреля 1909 года сообщалось следующее.

Почти у каждого корейца имеется 6 имен, носимых им разновременно в течение жизни, причем последнее имя присваивается уже после смерти. Существуют «а-мьен» – детское, молочное имя, «пьель-мьень» – ученическое, отроческое имя, «коаль-мьень» – официальное имя, даваемое после свадьбы, «дза-хо» – интимное, обиходное имя или прозвище, «пьель-хо» – имя, получаемое по специальным причинам или особым поводам и, наконец, последнее имя «тшин-хо» – посмертное, получаемое только после смерти. Сообразно с национальным обычаем местное корейское население тоже широко пользуется переменой имен, поэтому одно и то же лицо заносится в посемейные списки за разные годы под тем именем, которое, сообразно возраста, оно в то время носит. В самом юном возрасте дети местных корейцев имен обычно не носят, а именуются или общими словами «номи» (мальчик) или «огинне» (девочка), когда в семье имеется в живых дед, то в знак почтения к нему родившийся внук зовется лишь «цин-сони» (внук). Если детей несколько, то они называются порядковыми числительными: мальчик – второй (турця), третий (сет-ца), четвертый (детца), пятый (тазыца) и т. д., а девочки – первая (нении), вторая (турценни), третья (сетценни) и т. д.

Если разнообразие имен, принадлежащих одному и тому же лицу, вносит недоумение при выяснении его личности, то в отношении корейских фамилий наблюдается противоположное явление – крайнее однообразие последних, что также влечет за собой затруднения при учете населения. По свидетельству исследователей Кореи, большая часть ее населения происходит от немногих общих родов или кланов, коих насчитывается не более нескольких десятков. Родовые и клановые прозвища, например: Ким, Пак, Цой, Ан, Ю (Гай), Тен, Кан и др., служат лишь указателем происхождения от данного рода, а для каждого из поколенных разветвлений их имеется сложная система фамильных прозвищ или фамилий в тесном смысле этого слова. При переселении в Россию корейцы, при первоначальной регистрации, приняли за фамилии эти родовые и клановые прозвища, сохранив при них первоначально и свои личные имена глав семей, принявших в то время подданство.

В настоящее время в одном Посьетском участке фамилию Ким носят 235 семей, Ни – 114 семей, Пак – 112 семей, Цой – 98 семей, Хан – 63 семьи, Тен – 37 семей, Ю (Гай) – 35 семей и т. д. По спискам 1896 г. родоначальники этих семей, перешедшие в подданство, еще могут различаться между собой по своим именам, но потомки, особенно по принятии православия и русских имен, совершенно перемешиваются между собой, вследствие тождества фамилий и имен.

Особенности образования имен у корейских женщин описаны в исследовательской работе старшего чиновника по особым поручениям при Приамурском генерал-губернаторе Н.А. Насекина. В своем труде, опубликованном в 1896 году, он утверждал, что женщины имен не имеют. Правда, большинство девочек получают какое-нибудь название, как то: «обонне» – трава, «обо» – трава быстрорастущая, «нении» – девочка, «кобунне» – хрустальная девочка, «бубунне» – урод, «огионне» – рябая девочка, «сетдзанне» – третья, «турт-цанне» – вторая и т. п., эти имена употребляют в детстве старшие родственники и друзья дома, посторонние же обязаны называть девочку «аги-си» или «саги-си», т. е. нечто вроде «барышня».

После замужества женщина уже не имеет своего имени, а называется по фамилии своего отца, например: отец Пак, Ким, Ди, Хан, к фамилии прибавляется «си» – окончание женского рода, и выходит Пакси, Кимси, Дисси, Ханси и т. п., под такими именами замужние женщины и фигурируют в посемейных списках.

Вышеприведенные данные помогают понять национальные особенности корейцев. В других публикациях исследователей содержатся важные сведения об особенностях жизни корейских поселений и взаимоотношении их обитателей с русским населением и администрацией Южно-Уссурийского края. Немало интересных фактов содержат старые периодические издания – газеты и журналы: «Владивосток», «Дальний Восток», «Далекая окраина», «Приамурские ведомости», «Приморский хозяин», «Епархиальные ведомости» и др.

Корейские селения края

Адими

Селение образовано, по мнению разных исследователей, в 1872 или 1873 году. По-видимому, первые семьи начали обосновываться здесь еще в 1872 году, а большинство переселенцев появилось в 1873 году.

Первые 20 лет, т. е. до 1892 года, село было единым и называлось просто Адими, хотя имело большую территорию.

Наименование населенного пункта произошло от названия реки, в долине которой поселились корейцы. По мнению Ф.Б.Соловьева, название реки имеет аборигенное тунгусо-маньчжурское происхождение.

Одно из первых обследований села было произведено в 1878 году чиновником для дипломатической переписки при генерал-губернаторе Восточной Сибири В. Висленевым. У него было предписание: определить удобства местности, где поселились иммигранты, и налаженность их хозяйственного быта, установить обеспеченность переселенцев всем необходимым и наличие школ. Результаты этого обследования, по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Ч. Анучина, были опубликованы в «Сборнике главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью» в 1884 году, в г. Иркутске. Одно из достоинств этой работы – поименные списки первопоселенцев. По данным В. Висленева, «Корейское селение Адими расположено на реке того же названия, нижняя фанза села отстоит от впадения (устья) р. Адими в Амурский залив на 7.5 верст, верхняя фанза отстоит от нижней на расстоянии 5 верст, вверх по течению р. Адими, остальные фанзы расположены между ними».

По данным В. Висленева, в 1878 году в селении Адими было 46 фанз (домов), число жителей составляло 176 чел., в том числе мужчин – 96 чел., женщин – 80 чел., крещеных по православному обряду – 29 чел.

Со временем, селение значительно увеличивалось как по площади, так и по населению. Так, в архивном документе, где приводятся сведения о числе крестьянских дворов в Посьетском участке в 1890 году, в Адими значится 215 дворов.

По-видимому, расширение селения потребовало разделение его на 2 самостоятельных поселка: с 1892 года во всех документах и на официальных картах появились Верхняя и Нижняя Адими. Одно из первых описаний двух поселков Адими сделал Н.А. Насекин в 1895 году: «Деревня Адими состоит из двух групп: Верхней и Нижней <…>. Нижняя Адими начинается от устья р. Адими и тянется на 4 версты вверх по течению, в ней находятся часовня, школа и пост из 12 человек солдат с унтер-офицером от 10-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона <…> Расстояние от последних фанз Нижней Адими до первых Верхней – 1.5 версты, а затем по левому берегу р. Адими на 2 версты тянутся фанзы Верхней Адими. Протяжение всего села с отдельными фанзами достигает до 10 верст, длина же всей долины реки 12 верст».

К 1912 году Верхняя и Нижняя Адими стали крупными корейскими селениями, по данным А. Меньщикова, в них проживало, соответственно, 318 и 395 чел. В верхней Адими с 1901 года действовала церковно-приходская школа, построенная и содержащаяся на средства сельского общества, в 1912 году в ней обучались 22 мальчика, преподавателем и законоучителем был в начале Иоанн Ни, затем заведующим и законоучителем стал иеромонах Феодосий, учителями – Василий Лян и М. Сергиенко.

В Нижней Адими находились: церковно-приходская (министерская) школа, церковь, волостное правление и фельдшерский пункт. Нижнеадиминская церковь была построена в 1900 году на средства местных крестьян-корейцев в память принятия их в русское подданство. Храм – каменный, вместительный и благолепный, был освящен в честь Святителя и Чудотворца Николая Мирликийского и Святой мученицы Царицы Александры.

Школа в Нижней Адими в разные годы была министерской и церковноприходской. Об истории школы был опубликован в 1910 году очерк миссионера-священника Анания Артошенко во «Владивостокских епархиальных ведомостях». В этой публикации представлены интересные и важные сведения о причинах появления школы и заинтересованности корейцев в ее развитии.

«Корейцы, переселившиеся на русскую территорию в начале 1870-х годов и желавшие закрепиться на ней навсегда, в первое же время, при отношениях с русскими, почувствовали необходимость в изучении русской разговорной речи и грамоты. Сознавая, что знание русского языка и грамоты можно получить только в школе, корейцы стали заводить у себя русские школы, в числе коих является и Адиминская, открытая в 1890 году. Сначала эта школа была частного характера, и помещалась в простой корейской фанзе, весьма неудобной для занятий, учебников и учебных пособий не было, а учителями состояли корейцы, сами не вполне достаточно знавшие русскую грамоту, с трудом говорившие по-русски и совсем неподготовленные к учительской деятельности, поэтому и обучение в школе велось плохо. Учеников было немного: в 1890 – 1 учебн. г. – 2 мальчика, 1891 – 2 учебн. г. – 8 мальчиков, 1892 – 3 учебн. г. – 15 мальчиков, в 1893 – 4 учебн. г. – 17 мальчиков.

В 1893 году на общественные средства было построено для этой школы новое, более удобное здание и нанят русский учитель Иван Иванович Низковских, окончивший Омскую учительскую семинарию. Этот учитель, прослужив в Адиминской школе шесть лет, много потрудился над ее благоустройством».

Построенное здание школы было одноэтажным, деревянным, на каменном фундаменте с крышей, покрытой железом. В школе было 5 помещений: класс, учительская, кухня, коридор, прихожая. Обучение в школе велось по программе Министерства народного просвещения, экзамены дети сдавали при Владивостокской гимназии. Ежегодное количество учеников в школе: 30–40 мальчиков и около 10 девочек.

В 1897 году здание школы было расширено, она стала двухклассной, с разделением учащихся на 4 группы. В одном классе со 2-й, 3-й и 4-й группами занимался дипломированный учитель, в другой – с 1-й группой вел занятия выпускник школы, который готовился стать учителем школы грамоты.

В 1900 году Адиминская сельская школа была передана в ведение Владивостокского епархиального училищного совета, т. е она стала церковно-приходской. Этому событию предшествовало решение крестьян Адиминской волости, оформленное в виде «Приговора Адиминского волосного схода № 9 от 30 апреля 1900 г.». В нем изложена мотивировка передачи школ Духовному ведомству:

«Наблюдая, что за время нахождения школ в ведении Министерства народного просвещения школы оставались без должного ближайшего надзора и были предоставлены произволу учителей, которые безконтрольны в своих действиях по школе и считают ближайшие волостные и сельские власти настолько некомпетентными, что не допускают их вмешательство в хозяйственный распорядок школ, считаем для себя чуть ли не личным оскорблением позволять поступки весьма нежелательные и вредные для наблюдательных юных умов и сердец наших детей. С другой стороны, надеясь на полнейшую подчиненность и контроль при заведывании школами Духовного ведомства не только в части учебной, но и в наблюдении за нравственной жизнью учителей школ церковно-приходских, вполне сочувствуя таким приемам и духовно желая расширения не только образования, но и воспитания наших детей

в духе церкви Христовой и для большого успеха и укрепления в нашем народе православной веры, признавая нужным и воспитание наших дочерей как будущих матерей семейств, единодушно признали необходимым передать все школы, ныне существующие и впредь имеющие быть открытыми в районе нашей волости, в ведение Владивостокского епархиального училищного совет».

С 1900 года Адиминская министерская школа стала церковно-приходской. В этом же году из Янчихинской волости была выделена самостоятельная Адиминская волость, и был учрежден Адиминский миссионерский стан с резиденцией миссионера в деревне Нижняя Адими – все это способствовало росту селения и духовно-культурному развитию корейских переселенцев. В 1906 году, по инициативе Адиминского волостного старшины П.Н. Югая, было принято решение построить новое, более удобное и просторное здание школы. При этом П.Н. Югай предложил в новом здании, кроме обязательных двух классов, открыть еще и третий класс ручного труда для обучения сапожному кузнечному слесарному столярному переплетному и другим ремеслам. Кроме того, было предложено открыть при школе бухгалтерские курсы.

Новая школа была построена в 1908 году. Это было двухэтажное деревянное здание с каменным фундаментом и цоколем, размером 25х17х10 метров, с красивым балконом. В школе размещались: 4 просторных класса, 2 коридора, 2 трехкомнатные квартиры для учителей, библиотека, 4 кладовых комнаты. Школа отапливалась 17 печами (2 русскими, 15 голландскими). В новой школе обучались ежегодно 70–90 детей. Поступали в школу ученики в возрасте от 8 до 12 лет, а заканчивали ее 16-20-летними.

При школе работали 2 библиотеки: окружная учительская (716 книг) и местная ученическая (256 книг). Кроме того, при школе имелись наглядные пособия: физический кабинет, картины животных и растений, 20 карт по физической географии, 6 анатомических таблиц Фишера, карты всех частей света и полушарий, глобус и лунник, волшебный фонарь (куплен жертвователем за 165 руб.), кинематограф (приобретен Адиминским волостным правлением за 170 руб) и 13 геометрических фигур. За время существования школы, с 1890 по 1909 год, ее окончили 142 ученика.

Многие бывшие школьники нашли применение своим знаниям и навыкам. Молодые люди, из числа окончивших одноклассную школу, служили приказчиками в магазинах, писарями в сельских и волостных правлениях, а некоторые работали учителями школ грамоты. Один мальчик после окончания школы поступил в Благовещенскую духовную семинарию, а затем закончил Казанский университет (юридический факультет).

Среди окончивших двухклассную Адиминскую школу 5 юношей поступили в Казанскую учительскую семинарию и после ее окончания, учительствовали в местных церковно-приходских школах. Один выпускник Адиминской школы окончил курс Омской фельдшерской школы и работал фельдшером при Адиминской лаборатории. Несколько выпускников школы, успешно выдержав экзамены на звание учителя, работали преподавателями в местных церковно-приходских школах.

Верхняя и Нижняя Адими перестали существовать в 1930-е годы в связи с депортацией корейцев.

В 1872 году р. Адими была переименована в р. Пойма. На месте бывшей корейской деревни Верхняя Адими сейчас находится небольшой поселок Пойма, на месте бывшей Нижней Адими – Ромашка.

Барановка

Селение основано переселенцами из Кореи в 1869 году в долине р. Барановки. Название селу было дано в честь военного губернатора Приморской области Иосифа Гавриловича Баранова, который, будучи начальников штаба войск Приморской области во время появления первых корейских иммигрантов в Южно-Уссурийском крае, оказывал им всяческое содействие и помощь. Об этом свидетельствует один из документов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока – это распоряжение И.Г. Баранова от 25 мая 1870 года заведующему корейским поселением в Ханкайском округе о выдаче средств на содержание корейцев:

«Из числа отпущенных в мое распоряжение генерал-губернатором Восточной Сибири денег, препровождаю Вашему Высокоблагородию одну тысячу рублей звонкой монетой авансом, из которой вы можете употребить 800 руб. на покупку гречи для корейцев в Астраханском селении,100 руб. на различные для них мелкие надобности, как например, для устройства переправ из лодок, и 100 руб. на ваши собственные надобности, которые Вы, по высылке Вам денег из Николаевска, возвратите в корейские суммы и употребите для них же по вашему усмотрению.

В расходе денег покорнейше прошу Вас представить своевременно отчет Приморскому военному губернатору. При этом считаю долгом присовокупить, что его Высокопревосходительство полагает, что Вам лично небесполезно будет отправиться в Камень-Рыболов и там совершить как можно скорее закупки гречи и отправить ее по назначению и вслед за тем прибыть во Владивосток для личных объяснений с контр-адмиралом Фуверельмом».

Барановка имела и корейские названия Ко-кя-сай и Нен-гай. Через 30 лет после основания, в 1895 году, деревня Барановка имела протяженность 4 версты по долине р. Барановки и состояла из 3 групп корейских усадеб: в нижней группе было 10 фанз, в средней – 4, в верхней 10 фанз. В 1898 году в селении было построено общественное здание, где разместились сельское Правление и школа грамоты, в которой несколько лет преподавал учитель Михаил Кан.

По сведениям чиновника особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе, надворного советника А.М. Казаринова, обследовавшего селения в 1906–1907 годах, здесь, в 23 фанзах, проживало 169 корейцев, принявших российское подданство. Кроме того, в Барановке было 12 фанз корейских подданных крестьян, где проживало 50 чел., они арендовали у сельского общества землю. Несколько русскоподданных домохозяйств арендовали у лесников государственной службы пашни и у русских крустьян села Новокиевского (современный поселок Краскино) покосы. Самым крупным арендатором в Барановке был Никифор Ким, который поставлял сено в воинские части. В 1911 году в селении было уже 36 дворов и проживало 169 корейцев.

История корейской деревни Барановки закончилась в период депортации, в 1937 году она была исключена из списка населенных пунктов края.

Брусья

Бремя образования селения разными авторами датируется разными годами – от 1878 до 1889. Основано село как выходцами из Кореи, так и переселившимися сюда крестьянами из Тизинхэ. Обследовавший селения в 1895 году Н.А. Насекин сообщил: «Вверх по долине р. Брусья деревня тянется рядами отдельных фанз по берегам реки того же названия верст более чем на десять. Ширина речной долины 1–2 версты, почва преимущественно болотистая и суглинистая с тонким слоем чернозема вверху. Урожаи здесь средние, часто поля заливаются водой. Живут посредственно».

В 1911 году в деревне Брусья проживало 293 чел. корейской национальности, здесь действовала одноклассная церковно-приходская школа, в которой вначале учительствовал Семен Югай, затем – Михаил Каи. Число учеников в школе, в период с 1907 по 1913 годы, составляло 38–52 чел., в основном это были мальчики. По инициативе Михаила Кана и с участием благотворителей в декабре 1915 года, когда на западе гремели бои Первой мировой войны, в школе был устроен Рождественский праздник, где присутствовали как дети, так и взрослые. В воскресенье, 27 декабря, праздник начался Божественной литургией в школе, службу вел заведующий школами Адиминского миссионерского стана о. Иоанн Толмачев. После службы о. Иоанн с крестом обошел все фанзы селения, а вечером в школе состоялась елка. Дети декламировали стихи и басни, представительно рассказывая их содержание по-корейски для тех посетителей, кто не знал русского языка. После декламации собравшимся на праздник показали детский спектакль «Неблагодарные», где роли исполняли ученики школы. Праздничное представление закончилось хоровым исполнением песен: «Бесы», «А мы просо сеяли», «Хоровод».

После окончания программы ученики школы и посторонние дети получили угощение: суп, хлеб, мясо, конфеты, орехи. Учитель М. Кан об этом празднике сообщил в публикации «Рождественский праздник в Брусьевской школе»: «Отрадно было наблюдать, как нежные детские личики улыбались от удовольствия! Следует заметить, что громадное большинство этих детей – дети солдат – защитников Царя и Отечества, находящихся далеко от них на военной службе, потому особенно отрадно, что и эти полусироты имели возможность хоть раз в год получить развлечение и теплую пищу в школе. Присутствовавших на вечере было около 200 чел. Все были очень довольны вечером».

Как и большинство корейских селений, Брусья имели большую площадь и состояли из 2 основных поселков: Верхние и Нижние Брусья.

Корейские детишки

С установлением советской власти оба поселка стали подчиняться одному – Брусьевскому сельсовету, с 1934 года были Верхнебрусьевский и Новобрусьевский сельсоветы, в поселке Верхние Брусья начал действовать колхоз «Красный сад», в Нижних Брусьях – колхоз «Крепость Востока», который специализировался на овощеводстве.

После депортации корейцев селение Брусья опустело. В 1937 году оно было исключено из списков населенных пунктов края как несуществующее. На месте бывшего поселка Нижние Брусья в настоящее время находится железнодорожная станция Бамбурово.

С историей корейского селения Брусья связано имя выдающегося корейского патриота и интернационалиста Ким Маи Гыма (Серебрякова Ивана Степановича). Он родился здесь 6 октября 1886 года в крестьянской семье. Его отец Ким (имя неустановлено) – бедный крестьянин из уезда Мёнчход провинции Хамген вместе с другими беженцами перешел границу в районе Посьета и основал первую корейскую деревню на русской земле – Тизинхе, в 1864 году. Но из-за нехватки пахотной земли отец Ким Ман Гыма вскоре переселился в долину р. Брусья, где было основано одноименное селение. Здесь родился Ким Ман Гым, который после крещения получил русское имя – Иван Степанович Серебряков.

После окончания сельской школы и Владивостокского городского училища, 20-летний Ким Маи Гым стал активным участником антияпонской борьбы, которая с 1905 года, после установления японского протектората в Корее, широко развернулась среди корейцев, живущих на территории Дальнего Востока России. Ким Маи Гым создавал антияпонские культурно-просветительские общества, неоднократно посещал Корею, в селе Адими Посьетского района он основал корейскую школу нового типа, где уделялось больше внимания патриотическому воспитанию школьников.

В 1910 году он был назначен заведующим школой в Корейской слободе Владивостока, одновременно начал журналистскую деятельность в газете «Далекая окраина» и вскоре стал штатным сотрудником ее редакции. Выполняя журналистские задания, он часто бывал в

Корее, писал оттуда корреспонденции под заголовком «Письма из Кореи», в которых разоблачал японскую колониальную политику в Корее. «“Письма из Кореи” – это живая картина ужасающего положения Кореи. В ней слышны и стон угнетенных корейцев, над которыми нависла сабля японского палача, и призывы к пробуждению, к борьбе против ненавистного ига колонизаторов, за свободу и счастье. Неудивительно, что спустя семь месяцев после прибытия в Сеул, японские колониальные власти выслали в Россию Ким Ман Гыма. Последнее из его “Писем из Кореи” было опубликовано в газете “Далекая окраина” 12 апреля 1912 г.»

Возвратившись из Кореи в Россию, Ким Ман Гым в течении 5 лет работал переводчиком у пограничного комиссара Южно-Уссурийского края, за это время он глубоко изучил нужды корейских иммигрантов в Приморье, стал членом корейского «Общества поощрения предпринимательства», принял участие в подготовке празднования 50-летия переселения корейцев в Россию (его предполагалось отметить в 1914 году во Владивостоке), оказывал практическое содействие открытию корейских национальных школ.

После февральской революции 1917 года Ким Ман Гым включился в активную работу за формирование советов, много выступал на митингах и собраниях, как делегат от Адиминской волости принимал участие в работе Всероссийского съезда корейских общественных организаций в г. Никольск-Уссурийском. На этом съезде он выступил с речью, в которой изложил программу предоставления корейцам «культурной автономии».

Во время гражданской войны Ким Ман Гым перешел на нелегальное положение, скрывался во Владивостоке вначале в доме Кима Хенто, а затем в одной из городских котельных, где работал кочегаром. Скрываясь в большевистском подполье, он занимался формированием корейских партизанских отрядов, снабжением их продовольствием, боеприпасами и обмундированием, изданием листовок и прокламаций. После окончания гражданской войны и установления советской власти на Дальнем Востоке Ким Ман Гым работал уполномоченным по корейским делам в Приморском губисполкоме. Опубликованные его служебные доклады, докладные записки, аналитические справки показывают, «какую колоссальную работу Ким Маи Гым проводил по оказанию содействия в правильном разрешении корейского вопроса в Приморье и, прежде всего, в землеустройстве корейского населения. Он вникал во все сферы жизни корейцев и вовлекал их в строительство Советской власти. Замечательную работу Ким Маи Гым проводил по организации помощи голодающему населению, созданию артелей, проведению коопераций среди корейского населения и приема корейцев в советское гражданство».

В конце 20-х – начале 30-х годов Ким Маи Гым всецело был поглощен партийной работой, совмещая ее с преподавательской деятельностью. Он был инструктором и членом бюро Приморского обкома РКП (б), преподавал на рабфаке Дальневосточного государственного университета, способствовал открытию во Владивостоке единственного в мире Корейского педагогического института с 4 факультетами (историческим, литературным, физико-математическим, биологическим), в 1934 году пединститут выпустил 217 квалифицированных учителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.